

*** КЛАСИКА ***

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

РАССКАЗЫ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Иллюстрации Сидни Пэджета

#эксмогетство

Москва
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Дойл, Артур Конан.

Д62 Рассказы о Шерлоке Холмсе : [перевод с английского] / А. Конан Дойл ; ил. С. Пэджета. — Москва : Эксмо, 2019. — 240 с. — (Классика).

ISBN 978-5-04-096503-8

В книгу вошли 6 рассказов из цикла «Приключения Шерлока Холмса»: «Скандал в Богемии», «Союз рыжих», «Установление личности», «Тайна Боскомской долины», «Пять апельсиновых зёрнышек», «Человек с рассечённой губой».

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© М.Я. Бессараб, перевод, наследники, 2018
© Н.С. Войтинская, перевод, наследники, 2018
© М.Н. Чуковская, перевод, наследники, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-096503-8

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл её каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирен Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюблённого он оказался бы не на своём месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной насмешкой, с издёвкой. Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения,

превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощёренного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утончённый и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в одной из его могучих линз — вот что такое была бы любовь для такого человека, как Холмс. И всё же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом — моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить всё моё внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окружённый горами своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечён расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные

слухи о его делах: о том, что его вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моём прежнем друге и товарище.

Однажды ночью — это было 20 марта 1888 года — я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привёл меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моём уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды тёмным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грёзы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излиянием он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, проницательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, — заметил он. — Я думаю, Ватсон, что с тех пор, как я вас видел, вы пополнили на семь с половиной фунтов.

— На семь.

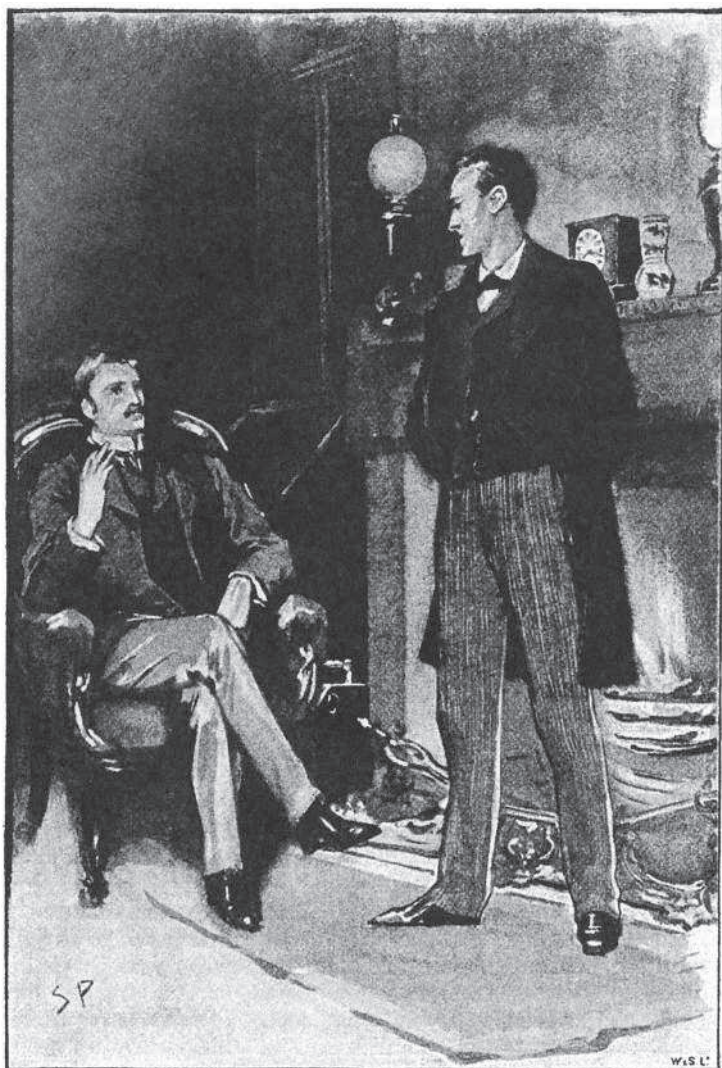
— Правда? Нет, нет, немного больше. Чуть-чуть больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда же вы это знаете?

— Я вижу это, я делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая нехряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж чересчур. Вас несомненно сожгли бы на костре, если бы вы жили несколько веков назад. Правда, что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменял костюм, так что от дождя не осталось следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить её. И всё же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс тихо рассмеялся и потёр свои длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, царапины

были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики, — если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки чёрное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре — шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нём деятельного представителя врачебного мира.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой лёгкостью он объяснил мне путь своих умозаключений.

— Когда вы раскрываете свои соображения, — заметил я, — всё кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы всё это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлён, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Часто.

— Как часто?

— Ну, несколько сот раз!

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько? Не обратил внимания.

— Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек — семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал. Кстати, вы ведь интересуетесь теми небольшими проблемами, в разрешении которых заключается моё ремесло, и даже были добры описать два-три из моих маленьких опытов. Поэтому вас может, пожалуй, заинтересовать вот это письмо.

Он бросил мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

— Получено только что, — сказал он. — Прочитайте-ка вслух.

Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, — говорилось в записке, — к Вам придёт джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получили. Будьте дома в этот час и не подумайте ничего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

— Это в самом деле таинственно, — заметил я. — Как вы думаете, что всё это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подготавливать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать

теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

— Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами, — заметил я, пытаюсь подражать приёмам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

— Диковинная — самое подходящее слово, — заметил Холмс. — И это не английская бумага. Посмотрите её на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое E и маленькое g, затем P и большое G с маленьким t.

— Какой вывод вы можете из этого сделать? — спросил Холмс.

— Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Вот и ошиблись! Большое G с маленьким t — это сокращение Gesellschaft, что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше Ко. P, конечно, означает Papier, бумага. Расшифруем теперь Eg. Заглянем в иностранный географический справочник... — Он достал с полки тяжёлый фолиант в коричневом переплёте. — Eglow, Eglonitz... Вот мы и нашли: Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада¹. Место смерти Валленштейна², славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками... Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей трубки большое синее облако.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получили»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остаётся только узнать, что нужно

¹ Карлсба́д — ныне Карловы Вары (Чехия).

² Валленште́йн, Альбрехт фон (1583—1634) — выдающийся полководец Тридцатилетней войны.

этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать своего лица... Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали резкий стук лошадиных копыт и визг колёс, скользящих вдоль ближайшей обочины. Вскоре затем кто-то с силой дёрнул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по звуку, парный экипаж... Да, — продолжал он, выглянув в окно, — изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней¹ каждый. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Ватсон.

— Я думаю, что мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь! Что я стану делать без моего биографа? Дело обещает быть интересным. Будет жаль, если вы пропустите его.

— Но ваш клиент...

— Ничего, ничего. Мне может понадобится ваша помощь, и ему тоже... Ну, вот он идёт. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжёлые шаги, которые мы слышали на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошёл человек ростом едва ли меньше шести футов² и шести дюймов³, геркулесовского

¹ Гинéя — английская золотая монета, стоимостью равная 21 шиллингу.

² Фут — английская мера длины, 30,48 см.

³ Дюйм — английская мера длины, 2,54 см.

